

III.

Ямъ-запольское перемиріе.

Я избавлю своихъ читателей отъ подробностей этихъ переговоровъ, указавъ имъ на глубоко-научный трудъ *О. Пирлинга* (*la Russie et le Saint-Siège*, II, 115 etc.), гдѣ я могъ бы лишь отмѣтить неправильность нѣкоторыхъ сужденій, весьма простительную со стороны этого виднаго историка. Ямъ-Запольскій, представлявшій собою полуразоренное мѣстечко среди опустошеннаго края, едва могъ вмѣстить поляковъ съ ихъ многочисленной свитой. Поэтому москвичи принуждены были искать пріюта по сосѣдству, въ деревнѣ Киверова-Гора. Такъ какъ посредникъ поселился тамъ же, въ курной избѣ, то засѣданія конгресса происходили, на самомъ дѣлѣ, у него, въ этой деревнѣ. Подъ скромной кровлей, между импровизированнымъ алтаремъ и печью, дымъ которой, за неимѣніемъ другого выхода, вырывался черезъ окна и къ концу каждаго засѣданія дѣлалъ уполномоченныхъ похожими на трубочистовъ—подвергались обсужденію и рѣшались судьбы двухъ державъ.

Когда, согласно традиціи, былъ составленъ родъ протокола, обѣ

стороны начали съ того, что предъявили чрезмѣрные требованія. Это сразу ввело Поссевина въ заблужденіе, въ которомъ онъ пребывалъ довольно долго. Послѣ обстоятельнаго разговора съ Москвичами, онъ пришелъ къ убѣжденію, что уступка поляками нѣсколькихъ ливонскихъ городовъ является условіемъ *sine qua non* для заключенія мира. Онъ тотчасъ же обратилъ всѣ свои усилія на этотъ пунктъ и, думая, что помогаетъ одной сторонѣ, игралъ въ руку другой. Собственно говоря, онъ игралъ въ жмурки, такъ какъ и тѣ, и другіе остерегались сказать ему свое послѣднее слово. Сверхъ того, поляки окончательно установили свой ультиматумъ только во второй половинѣ декабря. О. Пирлингъ несправедливо укоряетъ въ этомъ случаѣ Замойскаго въ недостаткѣ проницательности, равно какъ и напрасно предполагаетъ разногласіе между королемъ Польни и его канцлеромъ или между этимъ послѣднимъ и польскими уполномоченными. Чуть ли ученый историкъ не положился на напечатанный Кояловичемъ русскій сборникъ польскихъ документовъ. Замойскій былъ преданъ королю и, въ качествѣ главнаго полководца и канцлера, могъ выбрать уполномоченными только людей своего образа мыслей. Въ половинѣ декабря Поссевину было передано письмо Замойскаго, гдѣ онъ категорически отказывался отъ какихъ либо уступокъ въ Ливоніи. Черезъ нѣсколько дней, 20-го декабря, гонецъ отъ канцлера привезъ польскимъ уполномоченнымъ другое извѣщеніе, гдѣ говорилось о возможной уступкѣ трехъ городовъ, на которой недавно настаивали русскіе. Іезуитъ былъ крайне удивленъ и повергнутъ въ смущеніе. Но этотъ фактъ **былъ** весьма натураленъ: между упомянутыми двумя числами Замойскій перемѣнилъ мнѣніе. Его письмо къ Поссевину относится къ 13 декабря 1581 г., и, въ тотъ же день, онъ писалъ королю въ томъ же смыслѣ: никакихъ уступокъ,—что касается Ливоніи. Вслѣдъ за этимъ, 16 декабря, пришли дурныя вѣсти: шведы одерживали въ Ливоніи побѣду за побѣдой; запасы пороха, такъ нетерпѣливо ожидаемые, запаздывали въ пути. На слѣдующій день канцлеръ рѣшился измѣнить свои послѣднія инструкции; теперь онъ указывалъ уполномоченнымъ три новыхъ пути для возможнаго соглашенія; однимъ изъ нихъ и была вышеупомянутая уступка. Города, о которыхъ шла рѣчь, были довольно незначительны, ими не жалъ было пожертвовать, и Баторій выразилъ свое согласіе. Замойскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ въ письмѣ къ королю 26 декабря 1581 г. Итакъ, съ этой стороны разногласія не было. Что же ка-

сается до возражений или даже до упрековъ, которые о. Пирлингъ приписываетъ польскимъ уполномоченнымъ, то современный историкъ сталъ жертвою той же мистификаціи, что и посредникъ 1581 г. Первому канцлеру надлежало бы, конечно, посвятить Поссевина въ курсъ дѣла; но со стороны поляковъ было условлено держать этого посредника на разстояніи; его терпѣли изъ уваженія къ папѣ, но охотно бы обошлись и безъ него. Кромѣ того Збаражскій и Радзивиллы сочли нужнымъ пойти еще дальше того, что предполагалъ ихъ глава: они объявили легату, что считаютъ чрезмѣрными уступки, на которыя идетъ Замойскій, и что они не станутъ принимать ихъ въ расчетъ до новаго распоряженія. Но тутъ же они пишутъ Замойскому—письмо это (отъ 21 декабря) утѣляло—что хотятъ этимъ лишь «обмануть іезуита». Этотъ поступокъ не достаточно корректенъ; но рѣшено было уступить три ливонскіе города только при послѣдней крайности,—лишь въ томъ случаѣ, если не удадутся два другіе задуманные приѣма. Слѣдовательно, дѣло шло о дипломатической тайнѣ. Открыть ее Поссевину было въ глазахъ польскихъ уполномоченныхъ то же самое, что сообщить ее русскимъ. Самъ Замойскій былъ того же мнѣнія, такъ какъ онъ одобрилъ поведеніе своихъ подчиненныхъ (письмо отъ 27 декабря). Хотя въ своей перепискѣ съ Баторіемъ онъ и отзывается не въ особенно лестныхъ выраженіяхъ о «добромъ пастырѣ Московитовъ, старающемся превратить волковъ въ овецъ», ему нѣтъ ни малѣйшей необходимости убѣждать короля не посвящать легата въ тайны вѣдущихся переговоровъ: совѣтъ былъ бы совершенно излишнимъ (Сборн. *Кояловича*, 1867, стр. 396 и сл.).

Переговоры грозили затянуться. Московскіе уполномоченные не торопились. Они легче поляковъ мирились съ неудобствами своихъ деревенскихъ жилищъ и лучше ихъ умѣли запастись всѣмъ необходимымъ. Съ изобрѣтательностью, свойственною ихъ расѣ, они даже сумѣли извлечь выгоду изъ своего положенія: лагерь они обратили въ ярмарку и, между двумя засѣданіями, заключали выгодныя сдѣлки. Кромѣ того, они рассчитывали, что зимняя стужа сдѣлаетъ ихъ противниковъ болѣе сговорчивыми. Замойскій взялся вывести ихъ изъ заблужденія, и, наконецъ, польская сабля, лучше чѣмъ краснорѣчіе Поссевина, сумѣла побороть послѣднее сопротивленіе.

Испробовавъ всѣ средства, чтобы сломить героическое сопротивленіе Пскова, великій полководецъ прибѣгъ къ мѣрамъ, заслуживаю-

щимъ порицанію. Исторія нѣкой адской машины, измѣническимъ образомъ доставленной въ городъ, является довольно темной. Замойскій, будто бы, велѣлъ приготовить коробку, наполненную порохомъ и разрывными снарядами, и поручилъ московскому плѣннику передать ее одному изъ Шуйскихъ. Польскіе историки упоминаютъ при этомъ о нарушеніи между народнаго права, имѣвшемъ мѣсто еще ранѣе со стороны осаждаемыхъ, стрѣлявшихъ въ парламентаревъ. Они говорятъ также о ловушкѣ, въ которую, будто бы, завлекалъ Замойскаго Шуйскій, вызывая его на единоборство. Оправданіе является недостаточнымъ, и, повидимому, вызовъ послѣдовалъ за присылкой снаряда, не причинившаго, впрочемъ, никакого вреда. Эта выдумка оказалась очень неудачной; но, нѣсколько дней спустя, великій полководецъ возымѣлъ другую, болѣе счастливую мысль. 4 января 1582 г., пользуясь дозволенной военной хитростью, онъ притворился невнимательнымъ и вызвалъ массовую вылазку гарнизона, которую встрѣтилъ страшнымъ огнемъ. Когда потомъ Замойскій писалъ польскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ торопиться съ окончаніемъ переговоровъ, онъ утверждалъ совершенно напрасно, что его армія не продержится больше недѣли. Онъ только что доказалъ противное, и московскіе уполномоченные отлично это поняли. Одновременно съ извѣстіемъ о происшедшемъ они получили отъ Ивана наказы самаго примирительнаго свойства. Тогда, оставивъ въ сторонѣ Ливонію, они стали спорить только о подробностяхъ.

Посевинъ былъ виновникомъ подобнаго спора, желая непременно втянуть въ договоръ и Швецію, которая не нуждалась ни въ мирѣ, ни въ его посредничествѣ. Кромѣ того, и у Польши, и у Москвы были съ ней свои особые счеты. Ему пришлось отказаться отъ удовлетворенія этого желанія; но шведскія побѣды въ Ливоніи порождали другія трудности: русскіе справедливо замѣчали, что они не могутъ уступить въ этой странѣ того, что имъ больше уже не принадлежитъ. Послѣ множества новыхъ споровъ, поляки оставили за собою право дѣйствовать по своему усмотрѣнію противъ шведовъ и рѣшили перечислять одно за другимъ всѣ владѣнія, уступаемыя Москвою. На сѣверо-западной границѣ пришлось прибѣгнуть къ обмѣну. Городъ Велижъ, стоящій на лѣвомъ берегу Двины и принадлежащій къ группѣ городовъ, отходящихъ къ Польшѣ, былъ оставленъ за нею; напротивъ, Себежъ былъ возвращенъ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, такъ какъ являлся аванпостомъ московскихъ земель при входѣ въ долину

р. Великой. Оставался вопросъ о титулахъ. Иванъ хотѣлъ, чтобы въ договорѣ его писали не только царемъ; онъ желалъ, хотя номинально, оставаться государемъ Ливоніи. Поляки возражали, что одно дѣло дать новый титулъ, другое—признать старый, и что означаетъ этотъ «царь?» *Царями* звались прежде татарскіе ханы въ Казани и Астрахани—такъ этого мало для московскаго государя; а если *царь* значитъ *кесарь*—такъ этого много. Европа звала кесаремъ одного лишь государя—Австрійскаго императора, и онъ могъ возразить противъ новаго титула Ивана. Мы знаемъ, что этотъ вопросъ уже не разъ поднимался, и Замойскій не придавалъ ему никакого значенія. По этому поводу онъ даже рассказывалъ объ одномъ хвастливомъ варшавскомъ шляхтичѣ, который звался «королемъ Закаранскимъ», давая этимъ только поводъ къ шуткамъ. Оставался одинъ исходъ, къ которому уже много разъ прибѣгали: писать договорныя грамоты для каждой страны по разному. Бѣды въ этомъ большой не было. Но Поссевинъ, не зная, что это раньше дѣлалось, раздулъ эту мелочь въ цѣлую гору. Онъ старался исправить толкованіе историческихъ фактовъ, на которые опирались русскіе уполномоченные, и стремился доказать имъ, что императоры Аркадій и Гонорій, умершіе пять вѣковъ тому назадъ, не могли пожаловать титула кесаря великому князю Владимиру. Онъ не переставалъ твердить, что источникомъ всякой власти является Римъ, и напоминалъ о томъ, что Карлъ Великій былъ коронованъ однимъ изъ предшественниковъ Григорія XIII. Потеряли не мало времени, раньше чѣмъ пришли къ обычному компромиссу. Послѣ этого іезуитъ положилъ начало новому, послѣднему спору.

Безъ всякаго участія со стороны поляковъ, легатъ пожелалъ подписаться подъ договоромъ, или требовалъ, чтобы въ немъ, по крайней мѣрѣ, упоминалось о его посредничествѣ. Русскіе уполномоченные категорически отказали въ этомъ, такъ какъ въ ихъ наказахъ этотъ случай предусмотрѣнъ не былъ. Тогда іезуитъ потерялъ терпѣніе и вышелъ изъ себя. Чтобы замаскировать истинную причину своего гнѣва, онъ придрался къ одной уловкѣ въ редакціи договора. Отступая отъ принятыхъ условій, Елецкій и Олферьевъ хотѣли включить Курляндію и Ригу въ число земель и городовъ, *уступаемыхъ* царемъ. Это, по ихъ мнѣнію, прибавило бы новый титулъ ихъ государю. Тутъ посредникъ сталъ грозить, что бросить все дѣло. Онъ сталъ кричать: «вы пришли воровать, а не посольствовать! Подите отъ меня изъ избы вонъ». Видя невозмутимость уполномоченныхъ, легатъ разсердился

еще больше. Грамота была въ рукахъ Алферьева; онъ вырвалъ ее у него, кинулъ ее въ двери, князя Елецкаго взялъ за воротникъ за шубу, перевернулъ, пуговицы оборвалъ, вытолкалъ за дверь его съ товарищами.

Приходилось дѣлать то, что онъ хочетъ, и 15 января 1582 г. совершился обмѣнъ подписями. Съ чисто дипломатической точки зрѣнія, русскіе остались въ выигрышѣ, отчасти, благодаря Поссевину: приблизительно, они остались на позиціяхъ, занятыхъ ими при началѣ конгресса, и поступились лишь тѣмъ, чѣмъ соглашался пожертвовать царь три мѣсяца тому назадъ. Правда, онъ пожертвовалъ многимъ: послѣ двадцатилѣтнихъ усилій, готовыхъ, повидимому, увѣнчаться успѣхомъ, Русь снова была отрѣзана отъ Балтійскаго моря и Европы. Но она не подозрѣвала, что въ той самой Ливоніи, отъ которой она должна была отказаться въ настоящій моментъ, создались для нея два благопріятныхъ обстоятельства: прежде всего, тамъ былъ уничтоженъ тевтонскій орденъ, т.-е. тамъ не существовало болѣе гарнизона, которымъ Германія поддерживала свою власть въ этой области; затѣмъ тамъ назрѣвалъ конфликтъ между Польшей и Швеціей. Надвигалось грозное время, когда обѣ стороны, истощивъ свои силы въ отчаянной борбѣ, должны были предоставить своему общему врагу возможность отплатить той и другой...

Съ другой стороны, даже столь недолгое обладаніе ливонскимъ побережьемъ оставило въ нѣдрахъ Руси прочный слѣдъ, чрезвычайно важный для развитія страны: она поглотила массу чуждыхъ элементовъ, которые совершенно слились съ нею; въ ней зародилось зерно той нѣмецкой колоніи, которой суждено было сыграть въ русскомъ государствѣ такую значительную роль, и культурное вліяніе которой отрицать невозможно.

Въ концѣ концовъ, миръ не былъ заключенъ: ограничились десятилѣтнимъ перемиріемъ. Окончательному соглашенію помѣшали нѣкоторые вопросы, выдѣленные изъ переговоровъ и оставленные неразрѣшенными,—какъ, напримѣръ, вопросъ о теоретическомъ правѣ на обладаніе всѣми русско-литовскими землями. Когда поляки заняли городъ Юрьевъ и его область, они были поражены тѣми слѣдами, которые оставило тамъ могущество побѣжденныхъ, ихъ организаторскій духъ и превосходное военное устройство: чтобы воспользоваться имъ, не хватало, можетъ быть, только такого генія, какимъ былъ Баторій. «Мы были всѣ поражены», писалъ аббатъ Піотровскій, «найди

въ каждой крѣпости множество пушекъ, порохъ и пули въ такомъ изобиліи, что мы не могли бы собрать столько и со всей нашей страны». И онъ добавляетъ: «мы словно завоевали маленькое королевство,— сомнѣваюсь, сумѣемъ ли мы имъ воспользоваться». Несмотря на духъ отрицанія, которымъ проникнуты записки аббата, эти впечатлѣнія, отчасти, соотвѣтствуютъ истинѣ, что и было подтверждено исторіей.

На стѣнахъ возстановленнаго Рижскаго замка, надъ главнымъ входомъ въ церковь въ Венденѣ, существуютъ латинскія надписи. Вотъ какъ истолковываютъ онѣ смыслъ происшедшаго:

Devicto Moscho...

Prisca religio Rigam renovato vigere

Cooperat in templo...

И еще:

Hoeresis et Moschi postquam devicta potestas

Livonidum primus pastor ovile rego.

Ливонцы видѣли въ нихъ доказательство того, что побѣда Баторія означала, главнымъ образомъ, побѣду католичества и іезуитовъ шедшихъ вездѣ по слѣдамъ побѣдителей. Новому польскому правительству пришлось считаться съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ.

Что же касается Поссевины, то во всемъ происшедшемъ его, главнымъ образомъ, интересовала форма договора. Въ немъ ясно признавалась власть папы, «такъ что казалось, что все совершилось его именемъ». По крайней мѣрѣ, легатъ хвалился этимъ въ письмѣ своемъ кардиналу де Комо. Несмотря на свои ссоры съ московскими уполномоченными онъ торопился продолжать въ самомъ Кремлѣ удачно начатое дѣло. Повидимому, планъ его былъ слѣдующій: онъ хотѣлъ снова выдвинуть анти-оттоманскую лигу, такъ какъ она подавала поводъ къ вмѣшательству папы; затѣмъ онъ намѣренъ былъ поднять вопросъ о воссоединеніи двухъ церквей, такъ какъ было условлено, что рѣчь объ этомъ будетъ послѣ заключенія мира; но онъ не возлагалъ никакихъ особыхъ надеждъ на эти части программы. Онъ собирался продолжать играть свою роль посредника и выступить снова, если возникнутъ какія-либо недоразумѣнія по вопросу о Ямъ-Запольскомъ договорѣ; наконецъ, онъ хотѣлъ снова попытаться вмѣшаться въ шведскія дѣла, и достигнуть того, чтобы быть самому на виду и чтобы папа казался великимъ посредникомъ, къ которому прибѣгаютъ обѣ стороны. Случилось такъ, что этотъ планъ почти соотвѣтствовалъ тому, что думали въ Москвѣ. Хотя тамъ и были нѣсколько разочарованы

въ папскомъ *могуществъ*, оно все же могло, хотя бы отчасти, замаскировать унизительность пораженія. Для видѣ, не мѣшало *показать*, что папскій посоль устроилъ дѣла царя и продолжаетъ стараться. Итакъ, Поссевина ожидалъ хорошій пріемъ при дворѣ Грознаго.
